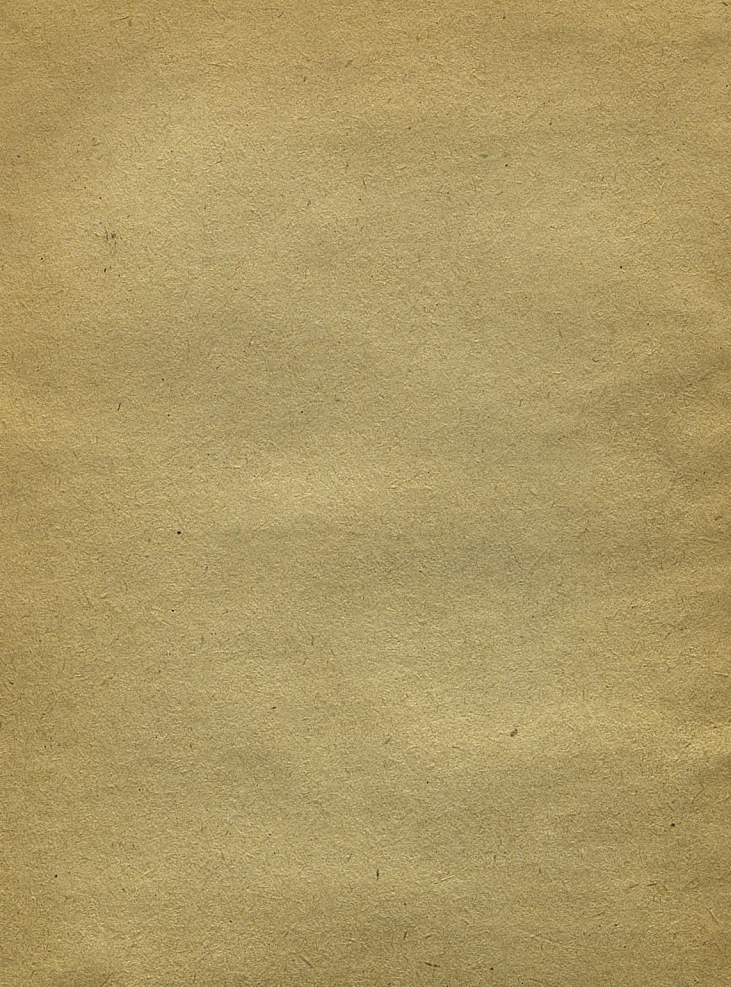


V

$\frac{22}{558}$

83

18 Oct. 26/4-99 1/2



Цѣна 6 коп.

0 22
558
2
БИБЛИОТСКА

12^{го}

ГОДА.

18 men emp. bee 13/5-82
— " — 8/9-83

18 Brd. wild 11/3-87

— " — emp. bee 12/6-87

— " — 16/9-87

ШЕ...РОВАТЬ

U

22
538

18 мис.

1



В. П. Верещагинъ. — Сквозь пожаръ.

БИБЛИОТЕКА ДВѢНАДЦАТАГО ГОДА.

V-22
558

1812-ЫЙ ГОДЪ

ВЪ ПИСЬМАХЪ СОВРЕМЕННОКОВЪ.

Подъ редакціей А. Ф. СТРУВЕ.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XII-17794
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕЙ

МОСКВА.

ИЗДАНИЕ КНИГО-ИЗДАТЕЛЬСТВА „ОСТРОВЪ“.

1912.



ТИПОГРАФІЯ В. Л. БАНЬЯНИНЪ И КОМП.
МОСЕВА, ЗАЦЪПА Б. СТРОЧЕНОВСКІЙ 5.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Женитьба Наполеона на дочери австрійскаго Императора Франца I-го, Маріи-Луизѣ, сильно обезпокоила Императора Александра I-го.

Франко-австрійскій союзъ былъ опасенъ для восточной политики Россіи.

Стали возникать столкновенія по вопросу польской политики, гдѣ интересы Россіи и Франціи также рѣзко расходились.

Шуринъ Александра I-го, Великій Герцогъ Ольденбургскій, былъ лишень своихъ владѣній, взамѣнъ которыхъ ему предлагался Эрфуртъ, на что онъ не соглашался.

Все это нарушало то согласіе, которое установилось—было между Франціей и Россіей послѣ Тильзитскаго мира въ 1807-мъ году и Эрфуртскаго свиданія въ 1808-мъ.

На лишеніе Великаго Герцога Ольденбургскаго его владѣній Императоръ Александръ отвѣтилъ указомъ, запрещающимъ въ Россію ввозъ предметовъ роскоши.

Это наносило сильный ударъ экономической политикѣ Франціи.

Такимъ образомъ не воля отдѣльныхъ лицъ, а совершенно разнородные интересы Россіи и Франціи предвѣщали неминуемое столкновеніе. Весь 1811-ый годъ уходитъ на переговоры и военные приготовленія съ обѣихъ сторонъ.

Наполеонъ понимаетъ серьезность войны: долго не рѣшается ее начать, но постепенно въ немъ все болѣе и болѣе развивается чувство азарта; желаніе одержать побѣду надъ соперницей туманить его рассудокъ и, наряду съ тщательнымъ изученіемъ Россіи, онъ порою даетъ такую волю своей фантазіи, что одинъ изъ его современниковъ (Нарбоннъ) послѣ разговора съ нимъ воскликнулъ:

— Разговаривая съ Наполеономъ думаешь, что находишься между Бедламомъ *) и Пантеономъ.

Такъ оно и было въ дѣйствительности:

Наполеонъ уже находился въ періодѣ упадка силъ и генія.

Послѣ брака съ Маріей-Луизой онъ сталъ неузнаваемъ. Не этотъ бракъ былъ причиной его упадка; но вся его жизнь, весь характеръ дѣятельности стали иными съ той минуты, когда бывшій артиллерійскій офицеръ Бонапартъ назвалъ своею невѣстой особу царскаго происхожденія, эрцъ-герцогиню Марію-Луизу.

Хорошимъ пробнымъ камнемъ былъ этотъ

*) Домъ для умалишенныхъ въ Лондонѣ.

бракъ и показалъ, что Наполеонъ уже былъ не тотъ.

Прежде чѣмъ начать военныя дѣйствія противъ Россіи, Наполеонъ дѣлаетъ еще одну попытку примиренія, пославъ къ Александру I-му Нарбонна.

Соглашеніе не состоялось.

Нарбонну Александръ I-й сказалъ:

— Я знаю, что Императоръ Наполеонъ — великій полководецъ. Но на моей сторонѣ пространство и время. Я не буду нападать, но я не успокоюсь, пока хотя-бы одинъ иностранный солдатъ останется въ Россіи.

Тактика русскихъ была опредѣлена этими словами; а Наполеонъ шагъ, за шагомъ, въ какомъ то упорномъ ослѣпленіи дѣлаетъ все, чтобы эта тактика восторжествовала, хотя во время войны двѣнадцатаго года не разъ имѣлъ возможность благополучно вернуться обратно, сохранивъ и армію и «честь».

Въ Россію Наполеонъ вступаетъ въ концѣ іюня, всего за три мѣсяца до начала холодовъ.

Русскіе отступаютъ, все уничтожая на своемъ пути, и вскорѣ во французской арміи ощущается недостатокъ въ продовольствіи. Это вызываетъ грабежи со стороны солдатъ и чисто непосредственную ненависть къ французамъ со стороны населенія тѣхъ мѣстностей, по которымъ французы проходятъ.

Въ Витебскѣ Наполеонъ созываетъ военный совѣтъ, и всѣ генералы въ одинъ голосъ выска-

зываются за невозможность дальнѣйшаго наступленія въ этомъ году и о необходимости остаться въ Витебскѣ на зимовку.

— Да, я не повторю безумія Карла XII, — сказалъ Наполеонъ. — Кампанія 1812-го года окончена; 1813-ый годъ застанетъ насъ въ Москвѣ, а 1814-ый — въ Петербургѣ.

И вдругъ, вопреки собственному рѣшенію, вопреки мнѣнію всѣхъ своихъ генераловъ, съ которыми онъ только что согласился, онъ отдаетъ приказаніе двигаться дальше.

Напрасно генералы умоляютъ его не дѣлать этого, открыто высказывая свое неудовольствіе. Какъ у маньяка у Наполеона одна неотступно преслѣдующая его цѣль: во что бы то ни стало добратся до Москвы. Контроль мысли, сила убѣжденія, ясность ума, все это исчезаетъ, все это паскуетъ передъ волевыми импульсами. Какъ игрокъ, все ставящій на карту, Наполеонъ уже не можетъ удержаться: онъ не думаетъ, не рассуждаетъ, онъ ставитъ ставку за ставкой, и проигрываетъ ихъ, но это не останавливаетъ, а только дальше увлекаетъ его.

Существуетъ мало извѣстная версія о причинахъ, повлекшихъ за собою войну съ Россіей и гибель Наполеона.

— Наполеонъ, — говорятъ современные намъ кружки парижскихъ оккультистовъ, — принадлежалъ къ одной изъ масонскихъ организацій,

занимая высокую, но не высшую ступень въ ея іерархической лѣстницѣ.

Безусловное повиновеніе низшихъ высшимъ было однимъ изъ основныхъ требованій этихъ организацій.

Однажды Наполеонъ не послушался, и въ наказаніе за это былъ обреченъ на гибель.

Силою коллективнаго волевого напряженія парализовали ясность его ума и впушили ему войну съ Россіей и все его странное поведеніе во время этой ужасной войны.

Не будемъ защищать эту точку зрѣнія, но поведеніе Наполеона въ эту войну такъ противорѣчило его обычной, доходившей до ясновидѣнія проницательности, всему тому, чѣмъ былъ Наполеонъ раньше, что оно дѣйствительно могло казаться внушеннымъ со стороны, и только тогда, когда мы уяснимъ себѣ, что не только въ періодъ отечественной войны, но и раньше, и позже Наполеонъ уже безповоротно сталъ инымъ, для насъ станетъ понятнымъ и странное его поведеніе въ теченіе всей этой войны:

Старый Наполеонъ умеръ.

Но не только духовная сторона Наполеона измѣнилась: измѣнилась и его внѣшность. Онъ сталъ необычайно тученъ, силы его падаютъ, онъ страдаетъ задержаніемъ мочеиспусканія, причиняющемъ ему мучительныя боли тщательно скрывая это отъ окружающихъ чтобы не упалъ духъ арміи.

Состояніе Наполеона особенно ухудшается наканунѣ Бородинскаго боя: 25-го августа у него была сильная лихорадка. Во время самого боя было нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ онъ находился какъ бы совершенно безъ сознанія и утратилъ представленіе объ окружающемъ.

Существуетъ предположеніе, будто Наполеонъ страдалъ эпилептическими припадками. Но его приходится отбросить: ни раньше, ни позже они у Наполеона не наблюдались. Бывали съ нимъ періоды полного физическаго расслабленія, какъ на примѣръ въ періодъ его отреченія отъ престола и послѣ битвы при Ватерлоо, но эти періоды объяснялись пережитыми волненіями и страшнымъ напряженіемъ, которыя потерявшій прежнія неистощимыя силы Наполеонъ уже не могъ переживать безнаказанно.

Болѣзненное состояніе Наполеона не даетъ ему возможности преслѣдовать отступающихъ послѣ Бородинскаго боя русскихъ.

Видя это, Ней восклицаетъ:

— Если Императоръ остается позади арміи, — онъ больше не полководецъ, а если онъ желаетъ оставаться Императоромъ, то пусть возвращается въ Тюльери и дастъ намъ возможность быть настоящими генералами.

Но вотъ Наполеонъ въ Москвѣ.

Вмѣсто того, чтобы давъ арміи немного отдохнуть и начать отступленіе, прежде чѣмъ русскіе соберутся съ силами, дождутся подрѣзанныхъ и



Юнѣ. — Отступленіе изъ Россіи.

2

произвестъ новый рекрутскій наборъ, — Наполеонъ, вопреки здравому смыслу, сидитъ въ Москвѣ и ждетъ мира.

Между тѣмъ положеніе послѣ Бородинской битвы было такого, что начини Наполеонъ отступление, онъ благополучно могъ бы уйти за предѣлы Россіи.

— Но опять мы имѣемъ дѣло съ помраченіемъ его ума.

Надвигаются морозы; ясно, какая опасность грозитъ французской арміи, а Наполеонъ разсуждаетъ:

— Отступить, — значить признать себя побѣжденнымъ... Разъ сдѣлалъ ошибку, — надо упорствовать, одно это можетъ спасти.

Только тогда когда онъ собственными глазами увидалъ первый снѣгъ, 19-го октября, Наполеонъ тронулся въ обратный путь.

Но русскіе уже собрались съ силами, преградивъ ему путь у Малаго-Ярославца, и не дали ему двинуться на Калугу.

Наполеонъ принужденъ отступать по тому же пути, по которому пришелъ и, понимая весь ужасъ отступления по разореннымъ мѣстностямъ, онъ, отдавая приказъ идти на Смоленскъ, падаетъ въ обморокъ.

Въ Смоленскѣ случилось опять что-то непонятное: вмѣсто того, чтобы быстро двигаться дальше, Наполеонъ безъ всякой необходимо-

сти тратить здѣсь свое время, вызывая ропотъ окружающихъ.

Только 14-го ноября отступаетъ онъ дальше. Но теперь за арміей по пятамъ слѣдуютъ казаки.

Самъ Наполеонъ, пѣшкомъ, подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, окруженный гренадерами, съ палкою въ рукахъ, съ трудомъ движется впередъ; но онъ не хочетъ, не можетъ разстаться съ остатками арміи, которую онъ самъ же потубилъ.

Впереди переправа черезъ Березину.

Кутузовъ былъ убѣжденъ, что это мѣсто будетъ могилой для Наполеона и его арміи, и открыто говорилъ и писалъ о своихъ расчетахъ.

И французская армія дѣйствительно погибла бы вся или была бы вся цѣликомъ взята въ плѣнъ, еслибы въ Наполеонѣ не проявились на мигъ проблески его прежняго генія.

Рядомъ быстрыхъ, смѣлыхъ и чрезвычайно ловкихъ демонстрацій онъ обманываетъ Чичагова и для переправы выбираетъ мѣсто выше Борисова.

— Еще не погасла моя звѣзда, — воскликнулъ онъ, когда убѣдился, что планъ его удался.

Но это было минутнымъ проявленіемъ, мгновеннымъ возвратомъ къ прошлому.

Погасла не звѣзда Наполеона, погасъ его геній и вслѣдъ за русскою компаніей началась утрата всего, что въ 1812-мъ году ему еще принадлежало.

* * *

Было бы большою ошибкой думать, что въ 1812-мъ году весь русскій народъ сразу проникся патріотическимъ чувствомъ, готовый лечь костью за вѣру, царя и отечество и приносить всякія жертвы во имя національнаго чувства.

Герои есть вездѣ, и отечественная война, болѣе чѣмъ какая-либо другая, «родила героев».

Былъ случай, когда отецъ съ одинадцатью сыновьями добровольно отправился на войну, и вернулся назадъ одинъ съ оторванной ногою.

Но масса, сѣренькая, обыденная, занятая своими маленькими интересами масса, всегда остается собой.

Правда, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ условій, она какъ солома вспыхиваетъ порою, увлекается, подчинившись минутѣ, но такъ же быстро какъ солома угасаетъ и возвращается къ своимъ обыденнымъ интересамъ, занятіямъ, укладу, которые ей ближе и дороже, чего угодно, и только отдѣльныя единицы какъ сокровище хранятъ старій огонь воодушевленія или таятъ въ себѣ пламя ненависти, ожидая поры, когда масса, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ причинъ, снова станетъ восприимчивой.

Представимъ себѣ психологію крестьянской массы 1812-го года.

Въ полномъ разцвѣтѣ крѣпостное право.

Имущественной обезпеченности у крестьянства никакого.

Все зависитъ отъ того, каковъ баринъ.

То, что было у крѣпостного сегодня, завтра могло быть у него отнято; то, что разрѣшилъ или далъ ему сегодняшній повелитель, завтра разрушалъ его наслѣдникъ, продавая или даря свой живой инвентарь въ человѣческомъ образѣ первому подвернувшемуся ему «благородному».

Это было въ порядкѣ вещей.

Экономическая жизнь страны еще не пробуждалась; у массы не было даже простого права распоряжаться своею свободой, не было собственного, личнаго имущества, и потому массѣ нечего было терять.

Но если вообще не было имущественной обеспеченности и прочнаго благосостоянія, то въ каждую данную минуту все же какая-нибудь курица, какой-нибудь теленокъ водились въ крестьянскомъ дворѣ.

И если приходилъ голодный французъ и забиралъ эту курицу, или же ее бралъ русскій, но потому, что въ Россію пришелъ «французъ», — то становится яснымъ, что это должно было породить къ этому французу уже не идеологическую, а самую непосредственную ненависть, которая росла вмѣстѣ съ избранной русскимъ правительствомъ тактикой уничтоженія всего на пути, по которому долженъ былъ слѣдовать Наполеонъ.

Все несчастье, все горе отъ Наполеона. Какъ же не ненавидѣть его и французовъ?!

Вотъ тайна того, почему возможенъ былъ

тотъ способъ веденія войны, который былъ въ то время усвоенъ Россіей.

Можно-ли себѣ представить что-либо подобное въ странѣ съ развитою промышленностью, съ подвижною экономическою жизнью.

Конечно нѣтъ. Въ экономическомъ отношеніи Россія въ 1812-мъ году была еще совершенно дикою страной, и это, являясь съ точки зрѣнія культуры громадною слабостью, на этотъ разъ, по отношенію къ культурному противнику явилась ея силой.

Представимъ себѣ на минуту такой способъ защиты:

Дикій народъ, къ которому мы вторглись, оказывается непобѣдимымъ; каждый изъ туземцевъ, къ которому мы приближаемся убиваетъ дѣтей и распарываетъ себѣ животъ въ ту минуту, когда видитъ насъ; у насъ завоеванная страна, ни одного плѣннаго, и ни одного живого туземца.

Такое сопротивленіе было бы, конечно, ужасною силою. Но можетъ-ли рѣшиться на подобную тактику человѣкъ съ широкимъ горизонтомъ, человѣкъ, у котораго есть цѣнности въ жизни?

Нѣчто въ этомъ родѣ совершали русскіе, сжигая Москву, свои святыни, памятники старины...

Надо было совершенно забывать о будущемъ и прошломъ, надо было считать, что все погибнетъ вмѣстѣ съ прикосновеніемъ ко всему этому врага, нужна была наличность полного отсут-

вія пониманія цѣнности всего, что сжигалось и гибло, для того чтобы рѣшиться на это.

Еще теперь, гдѣ нибудь въ Смоленской губерніи жива память о томъ, какъ изъ Москвы возвращался французъ:

Голодныхъ, забредшихъ въ овинъ французовъ запирали, и обложивъ овинъ хворостомъ, живьемъ сжигали ихъ съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ уничтожаютъ волка, крысу, мышъ.

Нагоняя въ полѣ одинокихъ, изголодавшихся французовъ, казаки раздѣвали ихъ до гола и тутъ же бросали на двадцатиградусномъ морозѣ.

Бывали и обратныя явленія: не всѣ проникались ненавистью къ «французу»; были сердобольные люди, люди, жалѣвшіе голоднаго, видѣвшіе въ французѣ прежде всего человѣка, не поддававшіеся общей психологіи ненависти и звѣрскихъ чувствъ, понимавшіе различіе между врагомъ въ бою и обезсиленнымъ и уничтоженнымъ.

Но это были исключенія.

Въ этомъ и заключается стихійная сила массовыхъ настроеній, что они заражаютъ, подавляютъ, парализуютъ индивидуальный анализъ, мышленіе, индивидуальную психологію, и создаютъ одну сплоченную, однородную массу, въ которой доминируетъ какая-нибудь одна, опредѣленная, доведенная до предѣла яркая нота.

* * *

Въ эпоху Отечественной войны Россія еще была страною «барь».

«Баре» двигали культуру, искусство, науку. Эти высшіе слои русскаго общества, относились къ переживаемымъ событіямъ гораздо сознательнѣе, чѣмъ простой народъ.

Они требовали не пассивнаго, а активнаго сопротивленія, и Бородинскій бой — результатъ уступки ихъ общественному мнѣнію.

Для такихъ оторванныхъ отъ народа, преклонявшихся передъ всѣмъ французскимъ, часто неумѣвшихъ даже правильно говорить по русски классовъ, отечественная война сдѣлала много: она націонализовала ихъ.

АЛЕКС. СТРУВЕ.

ПИСЬМО БЕРТЬЕ БАРЕКЛАЮ ДЕ ТОЛЛИ.

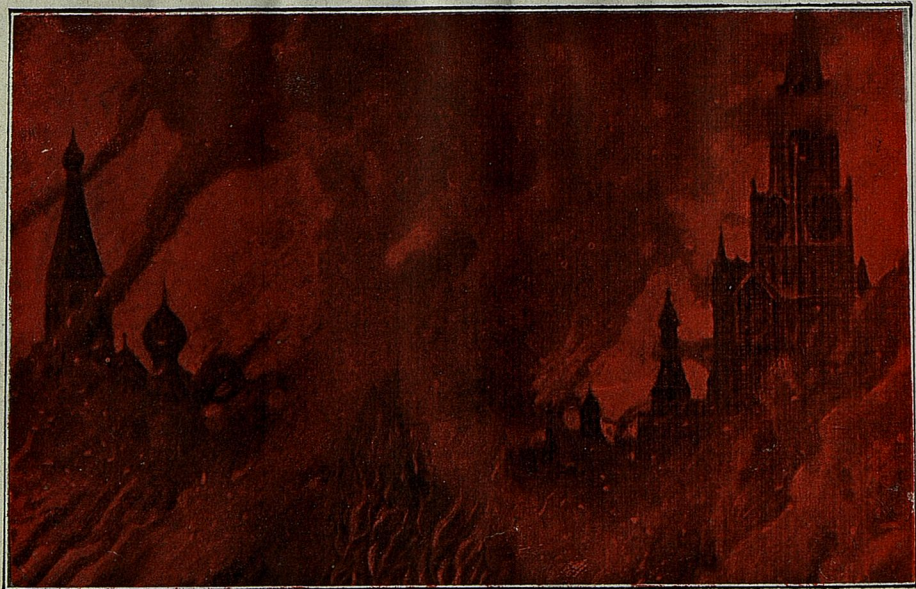
Рыбки, 28-го августа 1812 *).

Генераль Орловъ, посланный къ намъ въ качествѣ парламентаря для того, чтобы узнать, какая участь постигла генерала Тучкова, прибылъ къ намъ въ очень неудачное время; такъ какъ авангардъ какъ разъ открылъ около Смоленска военнѣя дѣйствія. Это заставило его вернуться черезъ аванпосты нашего праваго крыла, которое направляется въ Вязьму. Въ данную минуту ген. Орловъ вѣроятно уже вернулся къ вамъ.

Я позаботился о томъ, чтобы до Васъ дошли свѣдѣнія о генералѣ Тучковѣ, передавъ ген. Орлову письмо послѣдняго. Генераль Тучковъ чувствуетъ себя вполне хорошо и отбылъ въ Метцъ.

Я пользуюсь случаемъ, чтобы повторить предложеніе, сдѣланное черезъ генерала Орлова,

Примѣчаніе. Всѣ числа выставлены по новому стилю; по старому стилю каждое данное число будетъ на 12 меньше.



В. П. Верещагинъ. — Пожаръ Замоскворѣчья.

3

объ уррегулированіи сношеній между арміями и
объ установленіи правилъ для взаимнаго приѣма
парламентеровъ.

Его Величество крайне огорченъ тѣми бѣд-
ствіями, которыя терпитъ страна.

Его Величество желалъ бы, чтобы, русскій
Императоръ при отступленіи русскихъ войскъ
оставлялъ гражданскихъ губернаторовъ, которые
заботились бы о народѣ и его имуществѣ, и
смягчали бы для него тѣ бѣдствія, которыя при-
носятъ съ собою война. Этотъ обычай соблюдался
во всѣхъ войнахъ.

Къ тому же, дѣлая Вашему Сіятельству насто-
ящее предложеніе, я исполняю обязанность, сильно
озабочивающую моего Государя.

Императоръ, которому я доложилъ настоящее
мое письмо, поручилъ мнѣ просить Ваше Сіятель-
ство передать его привѣтъ Императору Александру,
если онъ находится въ арміи. Въ противномъ
случаѣ онъ проситъ передать этотъ привѣтъ при
первомъ же Вашемъ личномъ докладѣ ему.

Передайте вашему Императору, что ни при-
вратности войны, ни какое-либо другое обстоя-
тельство не могутъ измѣнить уваженія и чувства
дружбы, которыя мой Государь испытываетъ къ
нему.

* * *

Бертъе начальникъ штаба близко стоявшій
къ Наполеону, отъ имени Наполеона проситъ въ

лицѣ гражданскихъ губернаторовъ установить охрану имущества русскихъ, для того чтобы ужасы войны были не такъ для нихъ чувствительны.

Интересно сопоставить эту заботу культурнаго Наполеона о своемъ врагѣ съ дѣйствіями графа Ростопчина, беспощадно сжигающаго Москву со всеѣмъ имуществомъ своихъ же согражданъ.

Двѣ разныхъ культуры, два непримиримыхъ міросозерцанія ярко проявляются при этомъ сопоставленіи.

Не назначеніе гражданскихъ губернаторовъ, а пожаръ Москвы былъ отвѣтомъ на письмо Бертье; само же письмо было оставлено безъ всякаго отвѣта.

Генераль-майоръ Тучковъ, взятый въ плѣнъ въ битвѣ при Валутиной, о которомъ говорится въ этомъ письмѣ, — братъ извѣстнаго героя отечественной войны. генерала Александра Тучкова, отличившагося подъ Смоленскомъ и павшаго затѣмъ въ Бородинскомъ бою.

ПИСЬМО НЕИЗВѢСТНАГО ПОЛКОВНИКА НА ИМЯ ДЕ-НЮИБЮСКА О БОРОДИНСКОМЪ БОѢ.

Можайскъ, 7-го сентября
въ 9 часовъ вечера *).

Я видѣлъ одну изъ самыхъ ужасныхъ битвъ, когда-либо разражавшихся съ того времени, какъ

*) Примѣчаніе. Писано 7-го сентября (26-го августа), т.-е. въ самый день Бородинскаго боя

люди научились искусству уничтожать другъ друга; во время боя я перебивалъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ бой происходилъ.

Привыкшій хладнокровно наблюдать за общимъ ходомъ сраженія я, кажется, и на этотъ разъ не упустилъ ни малѣйшей подробности его; но я не буду останавливаться на деталяхъ: это завело бы меня слишкомъ далеко.

Вотъ расположеніе непріятеля, силы котораго по моему составляли 110—130 тысячъ человекъ: Его лѣвый флангъ упирался въ лѣсъ и поддерживался редутомъ, расположеннымъ на возвышенности; два редута покрывали линію противника до центра, также защищеннаго расположенными на возвышенностяхъ тремя большими редутами; правый флангъ, оставляя Колочу и село Бородино между нимъ и нашимъ лѣвымъ флангомъ, упирался въ холмы, на которыхъ также были построены непріятельскіе редуты. Два глубокихъ оврага почти совершенно скрывали русскую армію и увеличивали прочность той выгодной позиціи, которую она занимала.

Французская армія, переходя въ наступленіе, оставила свои невыгодныя позиціи на разсвѣтѣ. Лѣвое крыло, подъ управленіемъ вице-короля, въ шесть часовъ утра напало на село Бородино; 3-ій корпусъ, подкрѣпляемый огнемъ шестидесяти орудій, въ 7 часовъ утра атаковалъ центръ непріятеля. Первый корпусъ подъ начальствомъ князя Экмюльскаго вмѣстѣ съ 5-мъ подъ командой князя

Понятовскаго, расположился на крайнемъ правомъ флангѣ, и уже началъ движеніе въ обходъ лѣса на лѣвомъ флангѣ непріятели.

При такомъ положеніи вещей всѣ наши войска въ половинѣ восьмого были уже въ дѣлѣ.

Тысяча орудій извергала смерть на обѣ арміи. Наполеонъ, окруженный всею своею гвардіей, управлялъ атаками съ высоты площадки внѣ предѣловъ пушечныхъ выстрѣловъ.

Несомнѣнно, что преобладающія силы нашихъ войскъ и ихъ исключительная храбрость заставляли его считать ненужнымъ произвести рядъ маневровъ, которые, избегая много излишне пролитой крови, одинаково привели бы насъ къ побѣдѣ.

Онъ не выждалъ результатовъ движенія корпуса князя Понятовскаго на нашемъ правомъ флангѣ и не отдалъ молодой гвардіи приказанія поддержать первую успѣшную атаку вице-короля на нашемъ лѣвомъ, какъ это ожидали всѣ; онъ велѣлъ пѣхотѣ и кавалеріи атаковать редуты противника.

Конечно, съ такими войсками, какъ наши, можно было рассчитывать на успѣхъ такой атаки...

Но за то какою цѣной!

Прежде чѣмъ огонь нашихъ батарей и ловкость нашихъ наводчиковъ добились привычныхъ для нихъ результатовъ въ смыслѣ пораженія артиллеріи противника, и какъ разъ во время самаго сильнаго огня непріятельскихъ батарей,

наши войска двинулись на редуты и атаковали ихъ съ фронта... Нѣсколько разъ редуты были взяты и снова отбиты.

Потерявъ все свои позиціи въ центрѣ, покинутыя повидимому для того, чтобы укрѣпить правый флангъ, находившійся въ большой опасности три часа тому назадъ, непріятель дѣлаетъ попытку снова отбить ихъ у насъ. Эту атаку, произведенную частью резерва и Императорскою русскою гвардіей, въ 9 часовъ утра онъ велъ съ большимъ упорствомъ, но съ не достаточной энергіей и рѣшительностью. Его ряды были остановлены нашей артиллеріей и больше часа упорно стояли подъ огнемъ нашихъ орудій, не уступая намъ ни пяди земли. Но выпадъ 4-го корпуса кавалеріи положилъ этому конецъ: ряды непріятели были смяты.

Въ девять часовъ утра непріятель, которому удалось-было вернуть свои редуты на правомъ флангѣ, покидаетъ свою оборонительную линію и очищаетъ поле битвы.

Въ два часа пополудни на нашей сторонѣ побѣда. У русскихъ остается только одинъ редутъ справа, откуда они до самого вечера поддерживаютъ сильный огонь, прикрывая имъ отступление своей арміи. Все заставляетъ предполагать, что въ эту минуту, когда я вамъ пишу, и этотъ редутъ уже оставленъ непріателемъ.

Наши трофеи: 60 орудій и 4—5 тысячъ плѣнныхъ.

Что касается убитыхъ и раненыхъ, то считаю, что наши потери нисколько не меньше, чѣмъ потери непріятеля.

Но тому, что сдѣлано сегодня, я не придаю никакого значенія. Если Императорская гвардія сегодня ночью будетъ преслѣдовать непріятеля, какъ мы это надѣмся, то уже завтра его артиллерія и значительная часть его самого будетъ въ нашихъ рукахъ. Наши силы были равны силамъ непріятеля, если не считать Императорской гвардіи, которая въ бой не вступала.

Наши солдаты бились изумительно; ихъ пылъ заставилъ ихъ забыть голодъ.

Послѣ боя я видѣлъ, какъ Наполеонъ объѣзжалъ поле битвы; я повсюду слѣдовалъ за нимъ; онъ сіялъ и потиралъ руки, радостно повторяя:

— Пять убитыхъ русскихъ на одного французса.

Кажется, что павшихъ нѣмцевъ онъ принималъ за русскихъ. Убито больше лошадей, чѣмъ людей; Наша кавалерія совершенно осталась безъ лошадей. Она проявила чудеса храбрости, какъ и вообще вся наша армія.

Мы потеряли много генераловъ. Многіе изъ нихъ тяжело ранены.

* * *

Настоящее письмо при всей своей сжатости даетъ убійственную оцѣнку приемамъ Наполеона во время и послѣ Бородинскаго боя. Онъ, этотъ

испытанный полководецъ, съ такимъ хладнокровіемъ руководившій столькими боями, нервничаетъ, даромъ тратитъ силы своей арміи; въ немъ нѣтъ ни старой выдержки, ни прежняго хладнокровія.

Писавшій приведенное выше письмо полковникъ въ девять часовъ вечера еще надѣется, что свѣжая, не принимавшая въ этотъ день участія въ бою Императорская гвардія ночью будетъ преслѣдовать русскихъ, такъ какъ иначе «тому, что сдѣлано сегодня» онъ не придаетъ никакого значенія.

Но Наполеонъ не сталъ преслѣдовать непріятеля и не использовалъ результатовъ боя.

Впослѣдствіи, на островѣ св. Елены, онъ самъ признавался въ этой ошибкѣ.

Ней, — опытный, закаленный въ бояхъ солдатъ, въ 1812-мъ году совершившій легендарные по своему геройству подвиги, защищая тылъ отступавшей французской арміи, — ней не въ силахъ удержаться и высказываетъ рѣзкія слова осужденія, приведенные нами въ предисловіи къ настоящей книгѣ.

Никто не знаетъ, что Наполеонъ боленъ физически, никто не замѣчаетъ, какъ измѣнился его духовный обликъ.

Всѣ хотя бы видѣть въ немъ еще прежняго генія, прежняго героя, но удивляются его страннымъ дѣйствіямъ, не понимая причину ихъ. А онъ, больной, одержимый безумнымъ влеченіемъ сначала: дойти до Москвы, потомъ: добиться

мира и спасти свою «честь», совершаетъ ошибку за ошибкой и въ своемъ паденіи увлекаетъ за собой сотни тысячъ человѣческихъ жизней, съ вѣрой и доходившей до поклоненія преданностью смотрѣвшихъ на него.

ПИСЬМО МАРШАЛА МОРТЬЕ КЪ БЕРТЬЕ.

Ваше Высочество. *) За послѣднюю ночь пожаръ сдѣлалъ большія успѣхи. Вслѣдъ за прибытіемъ Бонгара я послалъ триста человѣкъ въ лѣтній дворецъ, который долженъ былъ занять Императоръ. Но они не могли удержать огня.

Кварталь Кузнецкаго Моста сгорѣлъ; въ два часа дня удалось преградить огню доступъ въ сосѣдніе кварталы.

2-й батальонъ 5-го горнаго полка и стрѣлки гвардіи проявили много старанія.

Двѣнадцать кварталовъ заняты войсками дивизіи Деляборда. Восемь другихъ будутъ заняты въ ближайшемъ будущемъ. До сихъ поръ это оказалось невозможнымъ въ виду затруднительности сообщенія. Во многіе кварталы войска уже прибыли, но начальники ихъ еще отсутствуютъ. Въ другихъ, наоборотъ, начальники ждутъ уже въ

*) Бертъе именуется «Высочествомъ», такъ какъ въ 1807-мъ г. получилъ отъ Наполеона въ качествѣ независимаго владѣнія княжества Невшатель и Валанженъ. Ред.



Кившенко. — Военный советъ на Филяхъ въ 1812 г.

4

теченіе сорока часовъ, а войскъ еще нѣтъ. Въ дивизіи Роге нѣтъ больше резервовъ: всѣ войска въ дѣлѣ. У дивизіи Деляборда только резервъ, оставленный въ Можайскѣ.

Грабежъ во всѣхъ кварталахъ достигъ своего апогея. Части арміи, расположенныя вблизи отъ города, являются и насильно захватываютъ все, что имъ попадается. Разставленные для поддержанія порядка посты часто безсильны его поддерживать. Говорятъ, будто эти части присланы въ городъ, чтобы здѣсь набрать все необходимое; но если этотъ беспорядокъ будетъ продолжаться, то скоро стануть добычею грабителей и тѣ магазины, которые я отстоялъ съ такимъ трудовъ. Сегодня арестовано еще около 600 русскихъ, которые отосланы къ принцу Экмюльскому. Я велѣлъ увезти многое изъ того, что было въ казармахъ. О томъ успѣли-ли побывать и въ Знаменскихъ казармахъ, мнѣ еще не извѣстно. Но по полученіи прошлую ночью письма Вашего Высочества я послалъ туда отрядъ для того, чтобы убѣдиться, какъ тамъ обстоятъ дѣла.

Во вчерашнемъ своемъ рапортѣ я довелъ до свѣдѣнія Вашего Высочества о томъ, что необходимо немедленно же прислать конный отрядъ, который могъ бы являться патрулемъ для болѣе отдаленныхъ мѣстностей.

По докладамъ генерала Дюроснея я вижу, что гвардейская кавалерія получила соотвѣтствующую

ція приказанія; но до сихъ поръ я не имѣю о ней никакихъ свѣдѣній.

Имѣю честь увѣрить Ваше Высочество въ моемъ глубокомъ уваженіи и преданности.

Маршалъ герцогъ Тревизскій.

* * *

Маршалъ Мортъе, герцогъ Тревизскій, былъ назначенъ генераль-губернаторомъ Москвы, въ то время какъ генераль Дюроснель, о которомъ упоминается въ этомъ письмѣ, былъ назначенъ комендантомъ Москвы,

Наполеонъ поручилъ Мортъе во что бы то ни стало предупредить разграбленіе города. Мортъе взялся за дѣло съ большою энергіей, но безсиленъ былъ что-либо сдѣлать. Оставшіяся внѣ Москвы войска, голодныя и истомленныя, смотрѣли на Москву какъ на обѣтованную землю.

Въ первую же ночь они нарушаютъ приказы начальства, пробираются въ городъ и вмѣстѣ съ русскими мародерами, солдатами и штатскими, приступаютъ къ грабежу. Между ними нѣтъ больше вражды. Рядомъ съ французской формой вы видите русскую: совмѣстный грабежъ дѣлаютъ ихъ товарищами. Пovyползали изъ своихъ убожищъ, принимаясь за грабежъ, и мѣстные жители—французы, которые, боясь самосуда русскаго населенія, за послѣднее время прятались по чердакамъ и подваламъ. У воротъ города нѣтъ больше порядка. Караулы потихоньку остав-

ляют посты и уходятъ въ городъ. Даже офицеры не могутъ устоять противъ искушенія и заходятъ въ сосѣдніе кварталы, чтобы удовлетворить своему любопытству. Вотъ она сказочная Москва, цѣль ихъ похода, обѣтованная земля! А ихъ остановили у воротъ и не пустили въ этотъ городъ, гдѣ столько запасовъ, столько золота, столько богатства, и заставляютъ ихъ, ободренныхъ, измученныхъ, голодныхъ стоять и ждать, не позволяя дотронуться до того, что оставлено на произволь судьбы самими же хозяевами и собственниками. А между тѣмъ стоитъ только протянуть руку и все будетъ, что нужно: въ пустыхъ домахъ стоятъ сундуки, до верху набитые дорогой одеждой, въ погребахъ вино, магазины до верху набиты товарами. Все здѣсь есть, и все такъ близко, такъ доступно... Къ полуночи можетъ показаться, что половина стоявшей подъ Москвой французской арміи взяла отпускъ.

Начинается вакханалія.

3-го сентября по старому стилю вспыхнулъ пожаръ. Онъ окончился только 8-го.

ПИСЬМО МАРЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМУ КОРПУСУ.

Москва, 21-го сентября *) 1812.

Пожаръ, который уничтожилъ большую часть этой дивной столицы, наконецъ прекратился.

*) 9-го сентября.

Эта ужасная катастрофа, которая причинила Россіи больше зла, чѣмъ если бы она проиграла шесть сраженій, является преступленіемъ генераль-губернатора Ростопчина, единственнаго автора, единственнаго вдохновителя этого уничтоженія. Его ужасный проектъ былъ выполненъ систематически. Онъ не нашелъ бы, конечно, поджигателей среди обывателей, заинтересованныхъ въ сохраненіи своего имущества; онъ сталъ искать въ тюрьмѣ достойныхъ себя соучастниковъ. 17-го утромъ онъ освободить отъ оковъ 800 негодяевъ, которые всѣ были приговорены къ наказанію за уголовныя преступленія несомнѣнно гораздо менѣе ужасныя чѣмъ то, на которое толкалъ ихъ теперь Ростопчинъ. Днемъ и ночью 15-го, 16-го и 17-го появился огонь распространяясь въ кварталахъ, расположенныхъ въ направленіи, по которому дулъ вѣтеръ, и пламя такимъ образомъ стало распространяться и на другія части города.

Крыши необитаемыхъ дворцовъ, которые находились въ серединѣ кварталовъ, куда огонь проникнуть не могъ, вдругъ дѣлались добычею пламени, какъ будто въ нихъ ударила молніе.

Такимъ образомъ было вдругъ охвачено пламенемъ красивое зданіе Биржи, желѣзныя двери которой были всѣ до одной заперты, и не было возможности узнать, какъмъ путемъ тамъ былъ совершенъ поджогъ.

Все было заранѣе приготовлено, и достаточно было приблизиться одному поджигателю для того, чтобы вспыхнулъ пожаръ.

Во многихъ домахъ были обнаружены кучи бѣлья и другого легко воспламеняющагося матеріала, пропитаннаго дегтемъ и сложеннаго въ амбарахъ, конюшняхъ и подъ деревянными лѣстницами. Веревки, нѣчто вродѣ зажигательнаго шнура, какъ это бываетъ у пушекъ, были протянуты наружу, и при ихъ посредствѣ огонь передавался внутрь. Туда, гдѣ эти приспособленія не были заготовлены заранѣе, соучастники Ростопчина бросали зажигательныя приспособленія, такъ хорошо приготовленныя, что они не могли не произвести соотвѣтствующее дѣйствіе. Сердце сжимается, когда идешь по этому пожарищу, которое когда-то было Москвой, и когда, вмѣсто ея прекрасныхъ дворцовъ, которые были ея украшеніемъ, видишь только еще дымящіяся развалины.

Ростопчинъ съ предусмотрительностью, достойной его низменнаго ума, приказалъ пожарнымъ и полицейскимъ забрать съ собою всѣ пожарные насосы, которые здѣсь лучше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ городѣ Европы.

Но всю глупость его неистовства больше всего рисуетъ то, что онъ не сумѣлъ указать своимъ соучастникамъ ни на артиллерійскіе склады, въ которыхъ хранилась военная амуниція русской арміи, ни на громадныя склады, гдѣ изготовлены для нее пищевые продукты: французская

армія нашла тамъ запасы, достаточные на нѣсколь-
ко войнъ, и ея пропитаніе обезпечено на шесть
мѣсяцевъ.

Согласно показаніямъ оставшихся въ Москвѣ
жителей, ожидали Императора Александра, кото-
рый долженъ былъ прибыть 10-го. Онъ не пока-
зался однако ни въ своей столицѣ, ни въ своей
арміи. Великій князь Константинъ прибылъ послѣ
Бородинскаго боя.

Говорятъ, что это онъ далъ совѣтъ открыть
тюрьмы въ тотъ моментъ, когда будетъ вступать
французская армія; въ этомъ однако очень сом-
нѣваются: Ростопчинъ не нуждался въ чемъ бы
то ни было совѣтѣ.

Этотъ ужасный человѣкъ, былъ способенъ
вполнѣ самостоятельно совершить всякаго рода
преступленія.

Извѣстно мнѣніе, которое, приблизительно два
мѣсяца тому назадъ, онъ выразилъ въ Москов-
ской Газетѣ по поводу нѣкоего Верещагина, сына
мѣстнаго купца, котораго подозрѣвали въ томъ,
что онъ высказалъ или написалъ, что городъ
черезъ восемь мѣсяцевъ будетъ во власти На-
полеона,

Этого человѣка арестовали.

14-го, въ 3 часа утра, Ростопчинъ велѣлъ
его изъ тюрьмы. Его привели во внутренней
дворъ губернаторскаго дворца вмѣсто суда Ро-
стопчинъ отдалъ его на расправу солдатамъ.

Онъ приказалъ привести къ себѣ также отца Верещагина, но несчастный успѣлъ скрыться.

Такимъ образомъ Ростопчинъ былъ избавленъ отъ жестокаго удовольствія видѣть избіеніе сына на глазахъ отца.

Смерть Верещагина была медленна и жестока.

Тѣло его, покрытое ранами, еще лежало у дверей Ростопчина въ моментъ вступленія французовъ.

Порядокъ въ городѣ возстановленъ.

Маршалъ Герцогъ Тревизскій назначенъ генералъ-губернаторомъ Москвы и окрестностей, кавалеръ Лессепсъ — интендантомъ, и генералъ Мишо *) — комендантомъ.

Городъ былъ раздѣленъ на 20 кварталовъ.

Такое дѣленіе существуетъ и теперь, и каждый кварталъ имѣетъ особаго коменданта.

Много говорили о крестьянскомъ ополченіи, сформированномъ русскимъ правительствомъ. Правительству едва удалось собрать нѣсколько тысячъ человѣкъ. Набирали людей, умиравшихъ отъ голода и усталости.

Они говорятъ, что ихъ гонять, какъ стадо рогатаго скота. Несмотря на всё мѣры, принятыя къ тому, чтобы воодушевить этихъ невѣжественныхъ полуварваровъ, это не удалось. Они, гдѣ

*) Это невѣрно; комендантомъ былъ назначенъ Дюроснель.

только могутъ, бросаютъ пики, которыми они вооружены, и мечтаютъ объ одномъ: какъ бы поскорѣе добраться до своихъ деревень. Вмѣсто какой-либо формы, къ ихъ шапкамъ приколотъ кусокъ мѣди въ видѣ «А» и греческаго креста.

Московская молодежь образовала небольшіе гренадерскіе, стрѣлковые команды и пѣшіе и конные казачьи полки. Теперь въ нихъ видно желаніе бѣжать, но на это не хватаетъ силъ; каждый день ихъ хватаютъ; ихъ военный пылъ повидимому сильно ослабѣлъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Предисловіе	3
Письмо Бертье Барклаю де Толли	16
Письмо неизвѣстнаго полковника на имя де Нюибюска о Бородинскомъ боѣ	18
Письмо маршала Мортье къ Бертье	24
Письмо Маре Дипломатическому Корпусу	27

БИБЛИОТЕКА 12-го ГОДА.

(ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА.)

Цѣна каждаго выпуска 6 коп.

Продажа вышедшихъ выпусковъ производится во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, въ кіоскахъ и на ст. жел. дорогъ.

Четвертый выпускъ готовится.

Главный складъ изданія: В. Л. БАНЬЯНИНЪ и Комп.
Москва, Зацѣпа Б. Строченовскій 5. — Телефонъ № 327-88.

Цѣна 6 коп.

22
558
Изм

БИБЛИОТСКАЯ

12^{ГО}

ГОДА.

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРА-
ТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ САТИРЫ И ЮМОРА

V-й годъ
изданія.

САТИРИКОНЪ

V-й годъ
изданія.

Всѣ годовые подписчики получаютъ 52 большихъ номера, иллюстрированныхъ многокрасочными рисунками и карриатурами и отпечатанныхъ на роскошной плотной бумагѣ (по специальному заказу—только для подписчиковъ). НѣКОТОРЫЕ НОМЕРА БУДУТЪ ПЕЧАТАТЬСЯ ВЪ ДЕВЯТЬ КРАСОКЪ. Кроме того, всѣ годовые подписчики получаютъ двѣ бесплатныхъ преміи:

1. СОКРОВИЩА ИСКУССТВЪ (въ пародіяхъ).

Большой роскошный альбомъ рисунковъ и шаржей на самыя извѣстныя міровыя произведенія искусства. — Всѣ рисунки въ нѣсколько красокъ—работы извѣстныхъ русскихъ каррикатуристовъ и художниковъ. (Подробный списокъ участниковъ этого предпріятія—будетъ объявленъ особо).

2. Одинъ томъ „СПУТНИКЪ ТЕАТРАЛА“.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ САТИРИКОНА.

(Искусство писанія пьесъ. Проведеніе ихъ на сцену. Устройство театра. Сцена. Актеры. Гримъ. Публика. Какъ держать себя въ театрѣ и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Съ доставкой: На одинъ годъ 6 руб., на полъ года 3 руб., на четверть года 1 руб. 50 коп., на одинъ мѣсяць 50 коп., Безъ доставки: На одинъ годъ 5 руб. 20 к., на полъ года 2 р. 60 к. на четверть года 1 руб. 30., на одинъ мѣсяць 45 коп., За границу: На одинъ годъ 9 руб., на полъ года 4 руб. 50 коп., на четверть года 2 руб. 25 коп., на одинъ мѣсяць 75 коп.,

Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 руб., къ 1-му іюля 1 руб. 50 к. и къ 1-му октября 1 руб. 50 коп. — Цѣна отдѣльнаго номера въ розничной продажѣ 10 коп., на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и въ провинціи 12 к.

Адресъ Гл. Конторы: Спб., Фонтанка, 80. Тел. 514-27.

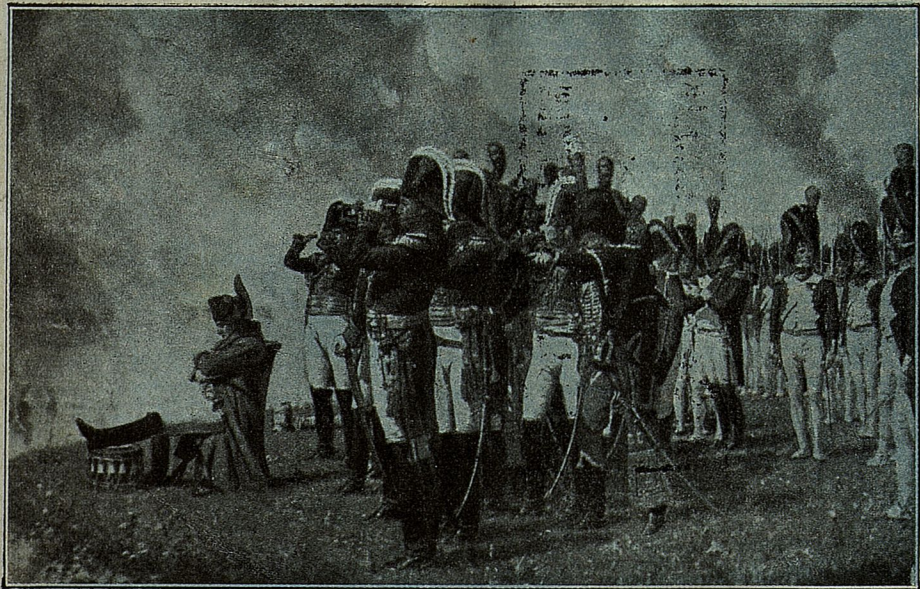
Редакціи: Литейный пр., 57. Тел. 171-91.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель М. Г. Корнфельдъ.

V 22

558



В. П. Верещагинъ. — Наполеонъ на Бородинскихъ высотахъ.

БИБЛИОТЕКА ДВѢНАДЦАТАГО ГОДА.

ОТСТУПЛЕНІЕ

ИЗЪ МОСКВЫ ВЪ 1812-мъ ГОДУ

(ПО ПИСЬМАМЪ ФРАНЦУЗОВЪ).

Подъ редакціей А. Ф. СТРУВЕ.



МОСКВА.

ИЗДАНИЕ КНИГО-ИЗДАТЕЛЬСТВА „ОСТРОВЪ“.

1912.



ТИПОГРАФІЯ В. Л. БАНЬЯНИНЪ И КОМП.
МОСКВА, ЗАЦЪПА Б. СТРОЧЕНОВСКІЙ 5.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I-ый И ПОЖАРЪ МОСКВЫ.

(ПИСЬМО ПОЛКОВНИКА МИШО МИХАЙЛОВСКО-
МУ-ДАНИЛЕВСКОМУ).

Вы знаете, что я былъ посланъ въ С.-Петербургъ фельдмаршаломъ Кутузовымъ на третій день послѣ моего прибытія въ главную квартиру для того, чтобы сообщить Его Величеству объ оставленіи Москвы, пожаръ которой освѣщаль мнѣ путь отъ самаго Владиміра.

Никогда сердце какого-либо путешественника не сжималось болѣе болѣзненно, чѣмъ это было на этотъ разъ со мной.

Хотя и иностранецъ, но русскій сердцемъ и душой, я везъ Государю одну изъ самыхъ ужасныхъ новостей. Я проѣзжалъ по краю съ полумилліоннымъ населеніемъ, всѣ слои котораго покидали его, забирая съ собою только стариковъ, женщинъ и дѣтей, но таившемъ въ сердцѣ своемъ надежду отомстить за родину, а

также безпредѣльную преданность къ обожаемому Монарху. Подавленный всѣмъ тѣмъ горемъ, съ которымъ я сталкивался на каждомъ шагу, и испытывая въ то же время глубокую радость при видѣ общаго подъема національнаго чувства, я утромъ 8-го (20-го) сентября прибылъ въ столицу, полный печали благодаря тѣмъ грустнымъ извѣстіямъ, которыя мнѣ предстояло передать.

Его Величество немедленно же принялъ меня въ своемъ кабинетѣ и по внѣшнему виду моему догадался, что я сообщу ему мало утѣшительнаго.

— Вы приносите мнѣ печальныя извѣстія, полковникъ? — сказалъ онъ.

— Къ несчастью очень печальныя, — отвѣтилъ я, — Москва оставлена нами.

— Что? Неужели мы проиграли сраженіе? Неужели мою древнюю столицу отдали безъ боя?

— Ваше Величество! Такъ какъ окрестности Москвы не давали возможности рѣшиться на бой съ превосходящими насъ силами противника, фельдмаршалъ Кутузовъ счелъ необходимымъ сохранить Вашему Величеству армію, потеря которой, не спасая Москвы, могла повлечь за собой самыя тяжелыя послѣдствія.

Теперь, благодаря подкрѣпленіямъ, о которыхъ позаботилось Ваше Величество и которыя стекаются со всѣхъ сторонъ, армія будетъ въ состояніи снова вступить въ бой и заставить непріятеля пожалѣть о томъ, что онъ дерзнулъ проникнуть въ сердце русскаго государства.

— Непріятель вступилъ въ городъ?

— Да, Ваше Величество, и въ данную минуту городъ превращенъ въ груды пепла: онъ пылалъ, когда я выѣхалъ отсюда.

— При этихъ словахъ слезы брызнули изъ глазъ Государя.

— Великій Боже! Сколько несчастья! Какія тяжелыя извѣстія привезли вы мнѣ, полковникъ, — сказалъ онъ.

— Не огорчайтесь слишкомъ сильно, Ваше Величество, — сказалъ я, тронутый его горемъ, — Ваша армія растетъ съ каждой минутой.

Государь перебилъ меня.

— По всему, что происходитъ, полковникъ, — сказалъ онъ, — я вижу, что Провидѣніе требуетъ большихъ жертвъ отъ насъ, и въ частности отъ меня.

Я во всемъ готовъ покориться его волѣ.

Но скажите мнѣ, Мишо, въ какомъ строеніи находилась армія, когда вы ее покидали и когда она увидала, что моя древняя столица была принесена въ жертву безъ единого выстрѣла?

Не слишкомъ-ли это повліяло на духъ солдатъ? Не замѣтили-ли вы растерянности въ ней?

— Вы мнѣ позвольте, Ваше Величество, говорить съ Вами искренно, какъ долженъ говорить военный?

— Я этого всегда требую, полковникъ, — сказалъ Государь; — но особенно въ эту минуту

я прошу васъ ничего не скрывать; говорите все, какъ оно есть.

— Ваше Величество! Я долженъ признаться, что я оставилъ армію въ минуту, когда вся она, начиная отъ ея предводителя и до послѣдняго солдата, испытывала ужасный страхъ...

— Что вы мнѣ говорите Мишо? — сказалъ Государь, — откуда могъ явиться этотъ страхъ? Неужели мой русскій народъ такъ палъ духомъ благодаря разразившимся надъ нимъ бѣдствіямъ?

— Нѣтъ, Ваше Величество: онъ боится только того, чтобы доброе сердце Вашего Величества не дало убѣдить Васъ заключить миръ; онъ рвется въ бой, и храбростью своею и прінесеніемъ въ жертву жизни своей хочетъ доказать, какъ преданъ онъ Вамъ.

— О, полковникъ! Вы облегчили мое сердце, — сказалъ Государь, ударяя рукою по моему плечу, — вы успокоили меня. Возвращайтесь же въ въ армію и скажите нашимъ смѣльчакамъ, скажите моимъ добрымъ подданнымъ, говорите вездѣ, гдѣ вы только будете проѣзжать, что когда у меня больше не будетъ ни одного солдата, я самъ стану во главѣ моего дорогого дворянства и моихъ добрыхъ крестьянъ, и такимъ образомъ прибѣгну къ послѣднимъ силамъ моей страны; у моей страны еще много силъ, много больше того, чѣмъ думаютъ мои враги. Но если въ велѣніяхъ божественнаго Провидѣнія написано, что династія моя должна перестать цар-

ствовать и оставаться на престолѣ предковъ, тогда, исчерпавъ всѣ средства, которыя будутъ въ моей власти, я отрощу себѣ бороду до сихъ поръ — (Императоръ показаль рукою на грудь) — и скорѣе съ послѣднимъ изъ моихъ крестьянъ пойду въ глубь Сибири ѣсть картофель, чѣмъ подпишу позоръ моей родины и моихъ добрыхъ подданныхъ, жертвы которыхъ я умѣю цѣнить. Провидѣніе посылаетъ намъ испытаніе; будемъ надѣяться, что оно не оставитъ насъ.

Государь съ пылающимъ лицомъ сталъ большими шагами ходить взадъ и впередъ по кабинету. Потомъ онъ сжалъ мою руку и сказалъ:

— Полковникъ Мишо; не забудьте, что я вамъ сейчасъ говорю. Можетъ быть когда-нибудь мы радостно вспомнимъ объ этомъ. Наполеонъ или я, — или онъ, или я; — мы не можемъ больше царствовать одновременно. Я научился понимать его; онъ меня больше не обманетъ.

Я не въ состояннн, дорогой мой Данилевскій, описать Вамъ, въ какое состояніе пришла моя душа, когда я увидѣлъ огонь, горѣвшій въ глазахъ Его Величества, и когда я подумаль о томъ счастья, о которомъ я могъ извѣстить армію. Изъ всѣхъ подкрѣпленій, которыя Его Величество ей посылало, это было наиболѣе мощнымъ, и въ состояннн было удвоить ея храбрость.

Охваченный энтузіазмомъ послѣ всего, что я только что услыхаль, я сказалъ:

— Ваше Величество въ эту минуту подпи-

сываетъ славу своего народа и спасеніе Европы; и уже вижу несчастную родину освобожденную.

— О, еслибы это сбылось, дорогой полковникъ! Идите, отдохните и готовьтесь въ путь.

Вотъ черты, которыя характеризуютъ мощность духа нашего державнаго вождя. Обстоятельства доказали, что онъ сдержалъ свое слово.

* * *

Это письмо, вѣрнѣе замѣтка, написана по настоянію Михайловскаго-Данилевскаго «русскимъ» иностранцемъ, полковникомъ Мишо, (бывшимъ впослѣдствіи адъютантомъ Александра I-го и умершимъ въ Палермо въ 1841-мъ году), не въ видѣ сообщенія о текущихъ событіяхъ, а въ видѣ воспоминаній.

Послѣдняя фраза доказываетъ, что писалось все это въ эпоху, когда событія 12-го года, а можетъ быть и болѣе позднія, касавшіяся судьбы Наполеона, уже завершились. Заднимъ числомъ нетрудно конечно явиться и пророкомъ... Но несмотря на всю свою «романтичность», которая особенно бросается въ глаза, если обратить вниманіе на изобиліе эпитета «добрый», и на весь тонъ письма (романтизмъ и «чувствительность» въ ту пору были въ модѣ), — это письмо даетъ интересную картину отношенія къ пожару Москвы и Императора Александра I-го, и арміи, представителемъ которой являлся Мишо.